

АНТРОПОЛОГИЯ ИСЛАМА
Ответственный за рубрику: Гусаева К.Г.
© Исламоведение, 2016. Том 7, № 4 (30)
Онлайн-доступ к журналу: <http://islam.dgu.ru>

ANTHROPOLOGY OF ISLAM
Person in charge of the section: K.G. Gusaeva
© Islamic Studies (Islamovedenie), 2016. Vol. 7, № 4 (30)
Online access to the journal: <http://islam.dgu.ru>

УДК 303.83+297

DOI: 10.21779/2077-8155-2016-7-4-46-57

Д.С. Брилева*

Содержание статьи

Введение
Апологетика ислама как один из основных видов мотивации исследователей-мусульман, занимающихся исламоведением
Инсайдеры и аутсайдеры как внутренние и внешние исследователи в исламоведении
Антропологический подход в исламоведении: градация инсайдеров
Заключение

Информация о статье

Поступила в редакцию: 28.07.16
Передана на рецензию: 28.07.16
Получена рецензия: 30.08.16
Принята в номер: 25.09.2016

Антропологический аспект инсайдерства и аутсайдерства в исламоведении

Казанский (Приволжский) федеральный университет; sulb@mail.ru

Проблема инсайдерского и аутсайдерского подходов в религиоведении в целом является важным методологическим вопросом, прежде всего, по критериям объективности и информативности получаемого на выходе знания. Проблема объективности исследователей-мусульман, занимающихся вопросами ислама, стала актуальной после событий 11 сентября 2001 года, а также в связи с ростом национализма в постсоветских республиках, когда ислам стал рассматриваться как часть национального наследия. Это высвободило апологетический потенциал исследователей-инсайдеров. В то же время проблема объективности может быть характерна не только для инсайдеров, но и для аутсайдеров, которые также могут быть обременены своей религиозной или мировоззренческой позицией, оказывающей влияние на уровень объективности ученого. При использовании же антропологического подхода в исламоведении можно говорить о градации инсайдеров, которая подразумевает разноуровневую вовлеченность исследователей в изучаемые ими сообщества. В этой связи представляется важным совпадение идентичности исследователя с идентичностью конкретного мусульманского сообщества, а также степень этого совпадения по ряду факторов: собственно религиозному; на основании принадлежности к той или иной религиозной группе; национальному; территориальному; временному; социально-экономическому; гендерному; идеологическому; по степени, а также характеру влияния той или иной исламской традиции. Если совпадение идентичностей по всем факторам или по наиболее значимым из них позволяет говорить об *абсолютном инсайдерстве*, то при неполном совпадении идентичностей исследователя и изучаемого мусульманского сообщества можно утверждать об *условном* или *относительном* инсайдерстве.

Ключевые слова: *антропология ислама, методология исламоведения, инсайдер, аутсайдер, принцип объективности.*

* Брилева Диляра Саитгалиевна, кандидат исторических наук, ассистент кафедры религиоведения ИСФН и МК КФУ.

UDK 303.83+297

The content of the article

Information about the article

DOI 10.21779/2077-8155-2016-7-4-46-57

D.S. Brileva *

Introduction
Apologetics of Islam as one of the principal motivating factors for Muslim researchers, engaged in Islamic studies
Insiders and outsiders as internal and external researchers in Islamic studies
Anthropological approach in Islamic studies: insiders gradation
Conclusion

Received: 29.07.16
Submitted for review: 29.07.16
Review received: 30.08.16
Accepted for publication: 25.09.16

The Anthropological Aspect of Insidership and Outsidership in Islamic Studies

Kazan (Volga Region) Federal University; sub@mail.ru

The problem of insider and outsider approaches in religious studies in general is an important methodological issue primarily due to the criteria of objectivity and the informative value of knowledge obtained as a result. The objectivity of Muslim scholars studying Islam has become a central issue after the events of September 11, 2001, as well as in connection with the upsurge of nationalist sentiments in the post-Soviet republics where Islam was seen as a part of ethnic heritage. This freed the apologetic potential of insider researchers. However, the problem of objectivity can be typical not only for insiders, but also for outsiders, who may also be burdened with their religious or ideological background, which impacts on the objectivity of the scholar. The anthropological approach to Islamic studies implies insiders gradation, i.e. their split-level involvement in the communities they study. In this regard, important is the match of the researcher identity with the identity of a certain Muslim community, as well as the degree of different factors coincidence: religious commitment, confessional affiliation, ethnicity, residence, time factor, socio-economic conditions, gender, ideology, the nature and degree of another Islamic tradition influence. A complete coincidence of all factors or of principal ones results in *absolute insidership*, while a partial match of identities of the researcher and the Muslim community under study produces a *conditional* or *relative insidership*.

Keywords: *anthropology of Islam, methodology of Islamic studies, insider, outsider, principle of objectivity.*

Введение

Проблема инсайдерского и аутсайдерского подходов в гуманитарной науке в целом, и в религиоведении в частности, нередко рассматривается в контексте соотношения объективности и субъективности исследователя [1, 16, 17]. Иными словами, в случаях, когда исследователем выступает инсайдер, неизбежно возникает вопрос, насколько его работы могут быть объективными? В то же время действительно ли исследования, проведённые аутсайдером, по умолчанию могут считаться объективными?

При обращении к проблеме соотношения объективного и субъективного в науке, важными представляются оценки этих категорий классиками постпозитивизма. Так, по словам К. Поппера, его собственный способ использования терминов «объективный» и

* *Diliara Saitgalieva Brileva*– PhD, assistant lecturer of the Department of Religious Studies at Kazan Federal University

«субъективный» весьма напоминает кантовский, а именно объективность положений подтверждается возможностью их проверки [6, с. 67]: «Я считаю, что научные теории никогда не могут быть полностью оправданы и верифицированы, но тем не менее они проверяемы. Следовательно, я буду полагать, что *объективность* научных высказываний основана на возможности их *интерсубъективной проверки*» [6, с. 68]. При этом, по Фейерабенду, проверяемость фактами сообщает научному положению лишь условную объективность: «Теории проверяются и, быть может, опровергаются посредством фактов. Факты содержат в себе идеологические компоненты – старые воззрения, которые давно исчезли из поля нашего зрения и, возможно, никогда не были сформулированы в явном виде» [10, с. 211–212].

Объективность в науке Т. Куну представляется невозможной по причине несовершенства любого из языков, которые не способны объективно описать материал: «Что касается языка чистого наблюдения, то, возможно, он будет еще создан. Но спустя три столетия после Декарта наши упования на такую возможность все еще зависят исключительно от теории восприятия и разума. <...> Ни один язык, ограничивающийся подобным описанием мира, известного, исчерпывающе и заранее, не может дать нейтрального и объективного описания "данного". Философские исследования к тому же не дают даже намека на то, каким должен быть язык, способный на что-либо подобное» [3, с. 170–171]. По мнению Б. Латюра, субъективность суждений говорит о замещении объекта в подобных исследованиях субъектом: «Объективность означает, что какие бы усилия ни прикладывали сомневающиеся, чтобы разорвать связи между вами и тем, что вы представляете, эти связи выдерживают проверку. Субъективность означает, что когда вы говорите *от имени* людей или вещей, слушатели понимают, что на деле вы представляете только самого себя» [4, с. 134].

Таким образом, объективность научных суждений, по мнению большинства пост-позитивистских методологов науки, представляется условно существующей категорией. И одной из основных проблем современной науки оказывается проблема соотношения объективности и субъективности исследователя, что проявляется в инсайдерском и аутсайдерском подходах как в религиоведении в целом, так и в исламоведении в частности.

Среди современных отечественных ученых проблеме принципа объективности в науке свои работы посвятили В.Ю. Яковлев – «Принцип объективности и ценности научного познания» [18], И.В. Черникова – «О диалектике субъективного и объективного в научном познании» [14] и «Природа науки и критерии научности» [15], М. Розов – «Неклассическая наука и проблема объективности знания» [7].

Проблема инсайдерского и аутсайдерского подходов в религиоведении рассмотрена в статье Д. Шестопальца «Объективность и/или конфессиональность? Проблема "инсайдер–аутсайдер"» [17]. В статье автором дан подробный анализ работ зарубежных исследователей, посвященных данной проблеме (важность религиозного опыта для религиоведения – по В.К. Смит; социологический подход, обесценивающий религиозный опыт – по Б. Линкольну; «методологический атеизм» и «двойное гражданство» исследователя, которые «позволяли ученому оставаться верующим человеком, даже анализируя свою религию с максимальной критичностью» – по П. Бергеру; необходимость четкого различия двух позиций: конфессиональной и «секулярного интеллектуального мировоззрения» – по В.М. Уотту; скептическое отношение к проблеме «двойной принадлежности» или «двойной игры» религиоведа-инсайдера – по П. Бурдые; возможность прочувствования своей религии ученым-инсайдером и преувеличение объектив-

ности аутсайдеров – по Р. Мертону; отвержение привилегированного положения инсайдеров в изучении своей религии – по Й. Йенсену; «временное обращение» в изучаемую религию – по Н.Р. Риту; «виртуальное инсайдерство» – по Ф. Мидоусу; взаимодействующая природа «эмик» (изучение религиозной системы изнутри, в собственных ее категориях) и «этик» (описание религиозной системы извне, в рамках научно-теоретического подходов) подходов – по К. Пайку и А. Ахерн. Сам автор, рассматривая противостояние инсайдерского и аутсайдерского подходов и опираясь на М. Фуко, приходит к выводу, что «в вопросе истины и научный, и религиозный дискурсы равно предстают не более чем системами репрезентаций, которые выдвигают претензии на истину (truth claims), но способны создать только "эффект истины"» [17, с. 61]. В работе Я.В. Чорнойван «Методология исследования веры бахаи: "инсайдер–аутсайдер" подход» приведён анализ исследований современных русскоязычных ученых, затрагивавших в своих работах эту проблематику [16]. Разные аспекты инсайдерского и аутсайдерского подходов освещены в работах таких современных исследователей, как А.В. Филькина [11], Л.И. Григорьева [1], В.И. Харитонова [13].

В нашей работе предпринята попытка рассмотрения инсайдерского подхода в исламоведении при изучении ислама через антропологический фокус. В статье показано, как антропологический подход в исламоведении, в случае ученого-инсайдера, подразумевает градацию инсайдерской природы исследователя. Поскольку антропологический подход в исламоведении, как и в целом в религиоведении, разбивает ислам на более мелкие, локальные, формы, исследователь-мусульманин, занимающийся проблемами ислама, далеко не всегда является абсолютным инсайдером, соотносясь с изучаемым им сообществом лишь частично.

Апологетика ислама как один из основных видов мотивации исследователей-мусульман, занимающихся исламоведением

С одиннадцатого сентября 2001 года начался новый период в истории мусульман всего мира. С этого момента каждый теракт и кровопролитное столкновение с участием мусульман и исламских лозунгов неизбежно приводят к нападкам на всех мусульман в целом или на саму идею ислама со стороны мирового сообщества. Как отмечает Оливье Руа в своей статье «Страх перед несуществующим сообществом», опубликованной в газете «Le Monde» вслед за бойней в редакции «Шарли Эбдо», в своей попытке оценить взаимосвязь ислама и терактов французское общество делится на две неравные группы: наибольшая из них полагает, что «терроризм является квинтэссенцией "истинного" ислама, ведущего к отрицанию всего, что от него отличается, главенству жестких (шариатских) норм и воинствующему джихадизму» [8]. Вторая же, малочисленная группа, преимущественно состоящая из мусульман и всего антирасистского движения, заявляет, что «подлинный ислам – это мирная, терпимая религия» и что «не надо возлагать вину на мусульман» [8]. Можно предположить, что в той или иной степени подобная тенденция прослеживается во всех сообществах, где мусульмане составляют меньшинство, в том числе и в русскоязычном сообществе. Так, можно наблюдать, как социальные сети Facebook и Twitter вслед за очередным терактом или происшествием взрываются постами и комментариями, резко осуждающими поведение мусульман и ислам в целом.

В этой связи появляются исследования в области исламоведения, в которых в той или иной степени читается апологетика ислама. Так, основным толчком на этом поприще стал «Ориентализм» Саида, который популяризировал «самоизучение», в том

числе и ислама. Появляются исследователи, занимающиеся исламом, которые в процессе изучения принимают ислам, становясь инсайдерами, и чьё неофитство находит отражение в их научных работах. Исследователи-аутсайдеры, занимающиеся исламом, также оказываются перед выбором, как именно представить ислам и мусульман перед интересующимися, число которых после известных событий одиннадцатого сентября резко возросло. Некоторые антропологи стали объяснять публике, что жизнь мусульман, проживающих на Западе, связана не только с жизнью всего остального исламского мира, но и самого Запада [21, с. 68].

Такая же реакция свойственна и той части исследователей-мусульман, которые воспринимают себя не только и не столько мусульманами, сколько представителями определённых течений. К примеру, с высокой долей вероятности можно предположить, что работы, написанные по движению Фетхуллаха Гюлена «Хизмет» самими адептами, нередко будут направлены на защиту образа этого движения, последователи же движения «Братья-мусульмане» посредством своих научных изысканий будут стремиться обеспечить положительное восприятие своего «материнского» течения.

1990-е годы для народов, населяющих постсоветское пространство, были ознаменованы национализмом. Союзные республики, оставшиеся один на один со своей историей, крепко цеплялись за своё прошлое. В этой связи религия зачастую воспринималась как часть славного прошлого «родного» народа. «Для жителей Центральной Азии повторное открытие собственного национального наследия в определенной мере означало новое приобщение к исламу и мусульманской культуре, а также восстановление связей с остальным мусульманским миром, разорванных "железным занавесом". Ислам был частью этических и духовных ценностей нации, попранных Советами и нуждавшихся в поддержке в новый век национальной независимости. Возрождение ислама в современной Центральной Азии – это глубоко национальное явление. В разных странах региона оно приняло разные формы» [12, с. 170].

Поэтому исследования по исламу у казахов, киргизов, узбеков и татар принимали форму исследований по казахскому, киргизскому, узбекскому, татарскому исламу соответственно. Подобные работы в большей степени писались самими представителями национальных/локальных форм ислама и в той или иной степени имели апологетический характер. Но поскольку «для большинства населения ислам по-прежнему означал "возвращение" к национальной традиции и повторное открытие культурного наследия, в значительной степени утраченного в советский период» [12, с. 172], апологетика касалась не только и не столько формирования положительного образа ислама, сколько создания положительного имиджа конкретного народа, исповедующего ислам, а заодно и ислама как части культурного наследия этого народа.

Инсайдеры и аутсайдеры как внутренние и внешние исследователи в исламоведении

В религиоведении базовыми подходами к изучению той или иной религии являются подходы так называемых инсайдера и аутсайдера. (В широком смысле *инсайдер* – это «внутренний исследователь», *аутсайдер* – внешний исследователь.) Иными словами, это подходы, требующие ответа на вопрос: изучается ли конкретная религия «изнутри» одним из адептов этой религиозной системы или «извне» представителями других религиозных систем или мировоззрений. При этом избежать одного из данных подходов не представляется возможным: в любом случае религия будет рассмотрена «изнутри» или «извне».

В то же время возможно параллельное использование данных подходов в исследовании одного и того же предмета изучения. К примеру, когда исследователи из числа представителей того или иного суфийского тариката, имея определённый мистический (экзистенциальный) опыт и в то же время существуя в рамках научной традиции, опираются на инсайдерский (внутренний) и аутсайдерский (внешний) подходы. То есть определённые мистические переживания дают более полное представление о суфизме в целом, и конкретном тарикате в частности. Умение абстрагироваться же, взглянуть на «родной» тарикат со стороны внешнего исследователя, позволяет тому же ученому оценить существующую религиозную систему более взвешенно.

Инсайдерская и аутсайдерская позиции накладывают определённые особенности как на сам процесс изучения предмета исследования, так и на выводы, сделанные в ходе работы инсайдера или аутсайдера. Иными словами, основной проблемой, связанной с данными подходами, является проблема объективности исследований. Эта проблема подробно рассмотрена в упомянутой выше статье Дениса Шестопальца «Объективность и/или конфессиональность? Проблема «инсайдер-аутсайдер»» [17]. По умолчанию считается, что отсутствие объективности характерно именно для исследователей из числа инсайдеров. Продолжая эту мысль, можно предположить, что объективность при этом может страдать по двум причинам. Первая – неосознанная апологетика ислама в целом, а также неосознанное желание говорить о «родной» религии в положительном ключе. В любом случае здесь ключевым моментом является слово «неосознанное». Вторая – чёткое понимание цели как служение своей религии путём публикации материалов, представляющих ислам или одно из его течений в наиболее выгодном свете. В подобных случаях аргументация положений подбирается исходя из заранее сформулированных выводов. Та часть материалов, которая не укладывается в концепцию, игнорируется. Такой вид служения своей религии посредством популяризации/апологетики в научных кругах может быть как личной инициативой исследователя-инсайдера, так и указанием, данным представителем иерархической верхушки течения.

В то же время, как отмечает Д. Шестопалец, бытие аутсайдером не делает автоматически исследования учёного, занимающегося «чужой» проблемой, объективными: «верующие инсайдеры и аутсайдеры, так или иначе, имеют целью подтверждение истинности своей религии или же опровержение истинности чужой» [17, с. 51]. К примеру, исламоведческие работы православных миссионеров XIX века Е.А. Малова (1835–1918) и М.А. Машанова (1852–1924), профессоров, работавших в противомусульманском отделении Казанской духовной академии [2, с. 211] и имевших целью доказать ложность исламского вероучения и фанатичность татар-мусульман, также не являются объективными в силу постановки заведомо известных выводов и построения исследований с целью доказать последние [9, с. 115]. Так, можно говорить о том, что в этих случаях имеет место обусловленность исламом, с той лишь разницей, что если для исследователя-мусульманина обусловленность своей религией имеет знак «+», то для вышеупомянутых исследователей эта обусловленность имеет знак «–».

Еще одним примером подобной обусловленности могут служить случаи с исследователями из числа воинствующих атеистов, которые предопределены не столько исламом в частности, сколько религиозными системами в целом. Поэтому атеистическое мировоззрение исследователя далеко не всегда может являться абсолютным признаком объективности исламоведческих работ.

При этом, по мнению ряда исследователей, проблема инсайдерского и аутсайдерского подходов является не проблемой (Р. Мертон, Й. Йенсен), а выбором позиции

ученого (Р. Мертон, Ван дер Вен) [17, с. 59–61]. Продолжая данную мысль, можно заметить, что и инсайдер, и аутсайдер при проведении своих исследований в любом случае сталкиваются с риском необъективности. В случае же с инсайдерами и аутсайдерами речь идёт лишь об особом виде необъективности – необъективности, основанной на изучении Себя и Другого. Подобные сложности предлагается решить путём абстрагирования от предмета изучения.

Антропологический подход в исламоведении: градация инсайдеров

Проблема соотношения универсального и локального, общего и частного в исламе (как и в других религиозных системах) является предметом спора не только для самих мусульман, но также и для исследователей, занимающихся вопросами ислама. Что такое «сам ислам», «настоящий», «универсальный», «классический», «чистый» ислам и где он находится? Эти и близкие по смыслу вопросы ставятся многими исследователями. Существуют различные подходы, обеспечивающие разное отношение исследователя к различным формам бытования ислама. Так, эссенциалистский подход допускает существование «чистого» ислама, которому вне зависимости от контекста его существования неизменно присущими остаются некоторые черты. К примеру, по убеждению Бернарда Льюиса, подобной характерной чертой ислама является экспансионистская установка ислама [5, с. 23–24].

Для антропологического же подхода общества, проживавшие или проживающие в разное время на разных территориях представляются носителями разного ислама, но в то же время равного по своей исследовательской ценности. Обращаясь к классику антропологии ислама Талалу Асаду, «ислам не является ни особой социальной структурой, ни совокупностью различных верований, артефактов, обычаев и морали. Это традиция» [19, с. 14]. При этом ортодоксальность имеет решающее значение для всех исламских традиций, которые используют её для оправдания собственной власти [19, с. 15]. Существует также термин «исламы» [20], который подразумевает под собой, во-первых, отсутствие единого ислама как такового, во-вторых, наличие целого ряда локальных форм бытования этой мировой религии, которые в свою очередь и дали жизнь этому термину.

При применении антропологического подхода в исламоведении, а именно рассмотрении конкретного сообщества, привязанного к определенному времени и к определенной территории, проблема подхода инсайдера и аутсайдера также становится важным методологическим вопросом: является ли исследователь одним из них или чужим для этой группы, а также насколько исследователь может являться «своим» для этого сообщества, и можно ли говорить об инсайдерской природе исследователя, опираясь лишь на то, что он придерживается ислама, не являясь носителем конкретной локальной формы, характерной для изучаемого общества? Поэтому, при использовании данного подхода в исламоведении, можно говорить о разноуровневой вовлечённости исследователя в изучаемое им сообщество.

Степень вовлечённости исследователя может различаться. К примеру, современный татарин-мусульманин, изучающий ислам и/или мусульман советского периода, по степени вовлечённости будет отставать от учёных, изучавших этот же ислам непосредственно в советский период даже при равных остальных условиях. Во временном отношении современный мусульманин уже не является одним из представителей того самого советского татарского мусульманского сообщества. Также при изучении движения

«Хизб ут-тахрир» степень вовлеченности исследователя, являющегося пусть даже мусульманином, но не состоящего в этой организации, также будет невысокой.

В этой связи важным представляется совпадение идентичности исследователя с идентичностью конкретного мусульманского сообщества, а также степень этого совпадения.

Можно выделить несколько факторов, влияющих на соотнесённость исследователя с типичным представителем конкретной изучаемой общины:

- собственно религиозный фактор, который в случае изучения религии будет являться базовым условием инсайдерства;

- принадлежность к той или иной религиозной группе внутри ислама. Как уже было отмечено выше, антропологический подход проводит различия между разными формами бытования ислама. В этой связи включённость исследователя в ту или иную традицию исповедования ислама также будет являться одним из важнейших факторов;

- национальный. Здесь также важно иметь в виду внутренние различия в рамках одного этноса, внутренние трения, нередко складывавшиеся исторически и сохранившиеся благодаря культурной памяти;

- территориальный. Этот фактор собственно и позволяет говорить о локальных формах ислама, которые разделены географически;

- временной, который позволяет различать сообщества мусульман одной и той же традиции, но проживавшие в разное время, а следовательно, и в разных политических и социально-экономических условиях (к примеру, изучение современным исследователем советского ислама);

- социально-экономический. Принадлежность к другой социально-экономической группе, отличной от той, которая является характерной для основной массы изучаемого мусульманского сообщества, может также не позволять инсайдеру быть полноправным его представителем даже при равных остальных условиях;

- идеологический. Изменения политической обстановки в регионе или стране, в случае если эти изменения затрагивают жизнь и представителей изучаемой общины, могут стать важным маркером разделения общины по данному признаку;

- по степени/характеру влияния той или иной исламской традиции. Фактор, который раскрывает всё более новые оттенки при уже имеющемся делении одного и того же общества по другим обозначенным признакам;

- гендерный. Гендерные особенности религиозных обрядов связаны с разными функциями, выполняемыми женщинами и мужчинами в религиозной повседневности (например, институт *абыстай* у некоторых тюркских народов, или «женщины, звавшиеся отин-ой, биби-отин или халфа», которые традиционно происходили из образованных семей и преподавали азы религиозной учености девочкам в сельской местности [12, с. 148]).

В этой связи, к примеру, при изучении ислама советского татарского мусульманского сообщества *абсолютным инсайдером* будет выступать татарин-мусульманин, проживавший в то же время и на той же территории, в тех же экономических условиях, а также относившийся к той же социальной группе, обладавший той же идеологической установкой и находившийся под влиянием той же религиозной традиции.

При неполном совпадении идентичностей исследователя и изучаемого мусульманского сообщества можно говорить об *условном* или *относительном* инсайдере. Как уже было отмечено ранее, исследователь, изучающий какое-либо мусульманское сообщество, может не жить в тех же территориальных или временных границах, что и изу-

чаемая им группа, не совпадать с ней по национальному признаку, относиться к другой социально-экономической группе, быть сторонником другой идеологии, находиться под влиянием другой религиозной традиции.

При этом, в зависимости от течения внутри ислама, часть вышеупомянутых факторов могут являться критичными, а часть – не представлять особого интереса. К примеру, в случаях с некоторыми мусульманскими сообществами часть вышеприведенных факторов могут не влиять на формирование групповой идентичности. В подобных случаях несовпадение идентичности исследователя по этим, некритичным факторам с идентичностью изучаемой им группы не приводит к отдалению от предмета исследования.

В то же время можно говорить о переходном состоянии аутсайдера в инсайдера. Примером тому может служить случай, когда исследователь, не являющийся членом изучаемого сообщества «по принципу крови» или «по принципу земли», так или иначе эмоционально соотносит себя с этими людьми, что позволяет говорить о своеобразном «приобретенном инсайдерстве». (Не путать с «временным обращением» в изучаемую религию по Н.Р. Риту и «виртуальным инсайдерством» по Ф. Мидоусу. Последнее «позволяет соблюсти требования феноменологической эмпатии и при этом сохранять свою принадлежность к конкретной религии» [17, с. 58–59]). В данном случае такое «приобретенное инсайдерство», с одной стороны, неизбежно сообщает исследованию эмоциональную вовлеченность ученого в предмет своего исследования, что в принципе является основным условием подобной попытки перейти из разряда аутсайдера/условного инсайдера в разряд «инсайдера по духу». С другой стороны, этот переход может и не влиять на расширение доступа к внутренней информации (что обычно характерно для абсолютного инсайдера), поскольку внутренняя самоидентификация исследователя вполне может остаться незамеченной или неоцененной членами конкретной изучаемой общины.

Заключение

Антропологический подход в исламоведении позволяет увидеть в едином исламе различные локальные формы бытования. Именно он даёт возможность увидеть разницу между исламом современного татарского сообщества России и между исламом мусульманского населения УзАССР, между исламом последователей движения Фетхуллаха Гюлена и исламом членов организации «Хизб ут-тахрир». Конкретное общество людей, как носителей той или иной локальной формы ислама, становится минимальной неделимой частью и в то же время единицей измерения ислама.

Подобный подход накладывает отпечаток и на проблему инсайдерства и аутсайдерства. При использовании антропологического подхода в исламоведении одной лишь принадлежности ученого к исламу недостаточно для того, чтобы быть полноценным инсайдером. В этой связи представляется важным соотношение идентичности исследователя с идентичностью конкретного мусульманского сообщества, а также степень этой соотнесённости по ряду факторов: собственно религиозному; на основании принадлежности к той или иной религиозной группе; национальному; территориальному; временному; социально-экономическому; гендерному; идеологическому; по степени/характеру влияния той или иной исламской традиции. Совпадение идентичностей по всем факторам или по наиболее значимым из них будет свидетельствовать об *абсолютном инсайдерстве*. Неполное совпадение идентичностей исследователя и изучаемого мусульманского сообщества может свидетельствовать об *условном* или *относительном инсайдерстве*.

Взгляд на религию «изнутри» и «извне» неизбежно остаётся одним из базовых методологических вопросов религиоведения в целом, прежде всего по проблемам объективности и информативности получаемого знания. Антропологический же подход позволяет провести градацию инсайдеров и увидеть разные уровни включённости исследователя в изучаемое сообщество.

Литература

1. Григорьева Л.И. Социолог религии: органический инсайдер в статусе профессионального аутсайдера. К вопросу о профессиональной компетенции и вероятностной ангажированности // Социология религии в обществе Позднего Модерна (памяти Ю.Ю. Синелиной): материалы 3-й Межд. научной конференции. НИУ «БелГУ», 13 сентября 2013 г. / отв. ред. С.Д. Лебедев. – Белгород: ИД «Белгород», 2013. – С. 87–97.
2. Исхаков Р. Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII – начало XX в.). – Казань: Татарское книжное издательство, 2011. – 222 с.
3. Кун Т. Структура научных революций. С ввводной статьей и дополнениями 1969 г. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
4. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 414 с.
5. Луис Б. Ислам и Запад. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2003. – 317 с.
6. Поппер К. Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс, 1983. – 606 с.
7. Розов М. Неклассическая наука и проблема объективности знания // Высшее образование в России. – 2006. – № 2. – С. 145–154.
8. Руа О. Страх перед несуществующим сообществом // <https://openrussia.org/post/view/2010/> Последнее посещение: 29 апреля 2016 г.
9. Современное состояние татар-мухаммедан и их отношение к другим иноверцам (доклад профессора Казанской духовной академии М. Машанова Миссионерскому съезду 1910 года). – Казань: Иман, 2002. – 124 с.
10. Фейерабенд П. Против методологического принуждения: Очерк анархистской теории познания // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986. – С. 125–466.
11. Филькина А.В. Опыт отечественных исследователей новых религиозных движений: проблема формирования исследовательской позиции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2010. – № 1 (9). – С. 17–28.
12. Халид А. Ислам после коммунизма: религия и политика в Центральной Азии. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 304 с.
13. Харитонова В.И. Работа с сакральными знаниями и практиками: методико-методологический аспект // Этнографическое обозрение. – 2010. – № 3. – С. 7–21.
14. Черникова И.В. О диалектике субъективного и объективного в научном познании // Известия Томского политехнического университета. – 2010. – Т. 316, № 6. – С. 82–87.
15. Черникова И.В. Природа науки и критерии научности // Гуманитарный вектор. Сер. Философия, культурология. – 2012. – № 3. – С. 89–97.
16. Чорнойван Я.В. Методология исследования веры бахаи: «исайдер-аутсайдер» подход // *Universum: Общественные науки: электронный научный журнал*. – 2014. – № 5 (6) // <http://7universum.com/ru/social/archive/item/1319> Последнее посещение: 29 апреля 2016 г.

17. Шестопалец Д. Объективность и/или конфессиональность? Проблема «инсайдер–аутсайдер» // Религиоведческие очерки. – 2012. – № 3. – С. 47–62.
18. Яковлев В.Ю. Принцип объективности и ценности научного познания // Известия Российской государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 87. – С. 49–59.
19. Asad T. The idea of an anthropology of Islam. Occasional papers series. – Center for Contemporary Arab Studies. – Georgetown University, 1986. – 22 p.
20. El-Zein A. Beyond Ideology and Theology: The Search for the Anthropology of Islam. – Annual Review of Anthropology. – 1977. – Vol. 6. – P. 227–254.
21. Marranci G. The anthropology of Islam. – Oxford, New York, Berg Publishers, 2008. – 182 p.

References

1. Grigor'eva L.I. *Sotsiolog religii: organicheskiĭ insaĭder v statuse professional'nogo autsaĭdera. K voprosu o professional'noi kompetentsii i veroyatnostnoi angazhrovannosti* [The Sociologist of Religion: a Constitutional Insider in the Status of a Professional Outsider. On the Issue of Professional Competence and Probabilistic Bias] *Sotsiologiya religii v obshchestve Pozdnego Moderna (pamyati Yu.Yu. Sinelinoĭ): materialy Tret'eĭ Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. NIU «BelGU», 13 sentyabrya 2013 g.* [Sociology of Religion in the Society of Late Philosophical Modernity (to the Memory of Yu.Yu. Sinelina): proceedings of the 3d International academic conference. Belgorod National Research University, September 3, 2013] / otv. red. S.D. Lebedev. – Belgorod: ID «Belgorod», 2013. – S. 87–97. (In Russian)
2. Iskhakov R. *Missionerstvo i musul'mane Volgo-Kam'ya (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX v.)* [Missionary Work and the Muslims of the Volga-Kama Region (the last third of the 18th – early 20th century)]. Kazan'. Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2011. 222 s. (In Russian)
3. Kuhn T. *Struktura nauchnykh revolyutsii. S vvodnoi stat'ei i dopolneniyami 1969 g.* [The Structure of Scientific Revolutions. With an Introduction and Supplements of 1969]. Moscow. Progress, 1977. 300 s. (In Russian).
4. Latour B. *Nauka v deĭstvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva* [Science in Action: Following Scientists and Engineers through Society]. Sant-Petersburg–Izdatel'stvo Evropeĭskogo universiteta v Sant-Petersburge, 2013. – 414 s. (In Russian).
5. Lewis B. *Islam i Zapad* [Islam and the West]. Moscow. Bibleisko-bogoslovskii institut sv. apostola Andreyā, 2003. – 317 s. (In Russian)
6. Popper K. *Logika i rost nauchnogo znaniya* [The Logics of Scientific Discovery]. Moscow. Progress, 1983. 606 s. (In Russian).
7. Rozov M. *Neklassicheskaya nauka i problema ob'ektivnosti znaniya* [Non-Classical Science and the Problem of Knowledge Objectivity] *Vysshee obrazovanie v Rossii*. [Higher Education in Russia] 2006. № 2. S. 145–154. (In Russian).
8. Rua O. *Strakh pered nesushchestvuyushchim soobshchestvom* [The Fear of a Non-existent Community], available at: <https://openrussia.org/post/view/2010/> (In Russian).
9. *Sovremennoe sostoyanie tatar-mukhammedan i ikh otnoshenie k drugim inovertsam (Doklad professora Kazanskoi Dukhovnoi Akademii M. Mashanova Missionerskomu s'ezdu 1910 goda)* [The Current Status of Muslim Tatars and their Attitude to Other Gentiles (Report by Professor of Kazan Theological Academy M. Mashanov to the Missionary Congress in 1910)]. Kazan': Iman, 2002. 124 s. (In Russian).
10. Feyerabend P. *Protiv metodologicheskogo prinuzhdeniya: Ocherk anarkhistskoi teorii poznaniya* [In Opposition to Methodological Pressure: an Essay on the Anarchistic

Theory of Knowledge] Ego zhe. Izbrannye trudy po metodologii nauki. [Id. Selected Works on Science Methodology.] Moscow. Progress, 1986. S. 125–466. (In Russian).

11. Fil'kina A.V. *Opyt otechestvennykh issledovatelei novykh religioznykh dvizhenii: problema formirovaniya issledovatel'skoi pozitsii* [The Experience of Domestic Researchers of New Religious Movements: the Problem of Research Position Development] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science] 2010, № 1 (9). S. 17–28. (In Russian)

12. Khalid A. *Islam posle kommunizma: Religiya i politika v Tsentral'noi Azii* [Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia]. Moscow. Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 304 s. (In Russian).

13. Kharitonova V.I. Rabota s sakral'nymi znaniyami i praktikami: metodiko-metodologicheskii aspekt [Dealing with Sacred Knowledge and Practices: Method and Methodology] *Etnograficheskoe obozrenie*. [Ethnographic Review] 2010, № 3. S. 7–21. (In Russian)

14. Chernikova I.V. *O dialektike sub"ektivnogo i ob"ektivnogo v nauchnom poznanii* [On the Dialectics of the Subjective and Objective in Scientific Knowledge] *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. [Tomsk Polytechnical University Review] 2010. Vol. 316, № 6. S. 82–87. (In Russian).

15. Chernikova I.V. Priroda nauki i kriterii nauchnosti [The Nature of Science and the Criteria of Scientificity] *Gumanitarnyi vektor. Seriya: Filosofiya, kul'turologiya*. [Humanitarian Vector. Series: Philosophy, Culture Studies] 2012, № 3. S. 89–97. (In Russian).

16. Chornoivan Ya. Metodologiya issledovaniya very bakhai: «insajder–autsajder» podkhod [The Methodology of the Baha'i Faith Research: an “Insider–Outsider” Approach] *Universum: Obshchestvennye nauki: elektronnyi nauchnyi zhurnal*. [Universum: Social Sciences: electronic scientific journal] 2014, № 5 (6), available at: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/1319> (In Russian).

17. Shestopalets D. Ob"ektivnost' i/ili konfessional'nost'? Problema «insajder–autsajder» [Objectivity and/or Confessionalism? The Insider-Outsider Issue in the Studies of Religion] *Religiovedcheskie ocherki*. [Theological Essays] 2012, № 3. P. 47–62. (In Russian).

18. Yakovlev V.Yu. *Printsip ob"ektivnosti i tsennosti nauchnogo poznaniya* [The Principle of Objectivity and Scientific Knowledge Value]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. [News of A.I. Herzen Russian State Pedagogical University.] 2009, № 87. S. 49–59. (In Russian).

19. Asad T. The idea of an anthropology of Islam. *Occasional papers series. Center for Contemporary Arab Studies*, Georgetown University, 1986. 22 s.

20. El-Zein A. Beyond Ideology and Theology: The Search for the Anthropology of Islam. *Annual Review of Anthropology*. 1977. Vol. 6. P. 227–254.

21. Marranci G. *The anthropology of Islam*. – Oxford, New York, Berg Publishers, 2008. 182 p.